

На правах рукописи

Балашов Антон Анатольевич

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПУБЛИЧНЫЕ ПРИЗЫВЫ
К СОВЕРШЕНИЮ ПРОТИВОПРАВНЫХ ДЕЙСТВИЙ**

Специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Москва – 2017

Диссертация выполнена на кафедре уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов».

Научный руководитель: **Букалерева Людмила Александровна,** заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики ФГАО УВО «Российский университет дружбы народов», доктор юридических наук, профессор.

Официальные оппоненты: **Чупрова Антонина Юрьевна,** профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», доктор юридических наук, доцент.

Петрянин Алексей Владимирович, профессор кафедры уголовного и уголовно исполнительного права ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД России», доктор юридических наук, доцент.

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия».

Защита диссертации состоится «__» _____ 2017 г. на заседании диссертационного совета Д 212.203.24, созданного на базе Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования при Российском университете дружбы народов по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, ауд. 347, зал заседаний диссертационного совета.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке и на сайте Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов» по адресу: <http://dissovet.rudn.ru>.

Автореферат разослан «__» _____ 2017 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
к.ю.н., доцент

О.А. Кузнецова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утверждённой Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683 отмечается, что одними из основных угроз государственной и общественной безопасности являются: деятельность террористических и экстремистских организаций, направленная на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, дестабилизацию работы органов государственной власти, уничтожение или нарушение функционирования военных и промышленных объектов, объектов жизнеобеспечения населения, транспортной инфраструктуры, устрашение населения, в том числе путем завладения оружием массового уничтожения, радиоактивными, отравляющими, токсичными, химически и биологически опасными веществами, совершения актов ядерного терроризма, нарушения безопасности и устойчивости функционирования критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, а также деятельность, связанная с использованием информационных и коммуникационных технологий для распространения и пропаганды идеологии фашизма, экстремизма, терроризма и сепаратизма, нанесения ущерба гражданскому миру, политической и социальной стабильности в обществе¹.

Вполне очевидно, что в современных условиях государство должно жёстко реагировать на наиболее общественно опасные угрозы, в том числе и посредством установления строгих уголовно-правовых запретов. И такая тенденция в российском уголовном законе довольно чётко прослеживается в последние годы. На сегодняшний день, помимо традиционных предписаний об ответственности за такие деяния как террористический акт, различные проявления экстремизма, массовые беспорядки, существенно расширены пределы криминализации деяний посредством регламентации ответственности за поведение, сопутствующее или предшествующее некоторым преступлениям. В частности, самостоятельными нормами уголовного права предусмотрена ответственность за публичные призывы к совершению отдельных противоправных действий: к осуществлению террористической и экстремистской деятельности, в том числе к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. ст. 205.2, 280, 280.1 УК РФ), массовым беспорядкам и к насилию над гражданами (ч. 3 ст. 212 УК РФ), к развязыванию агрессивной войны (ст. 354 УК РФ).

Общественная опасность публичных призывов к совершению противоправных действий обуславливается оказанием ими психологического воздействия на потерпевшего. Однако здесь возникают сложности как с определением потерпевшего, поскольку он зачастую множественен и индивидуально не определён, так и с констатацией факта психологического

¹ Собрание законодательства РФ, 04.01.2016, N 1 (часть II), ст. 212.

воздействия. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что публичные призывы к совершению противоправных действий обладают отдельными признаками соучастия в преступлении. Так, призывы к совершению преступления могут рассматриваться как часть деятельности организатора преступления. Ещё большее количество схожих характеристик усматривается при сравнении призывов к совершению противоправных действий с подстрекательством к совершению преступления. Призыв к совершению противоправных действий способен увенчаться склонением другого лица к совершению преступления, и это деяние уже может обладать признаками подстрекательства к совершению преступления. В этой связи допустимо утверждение о том, что публичные призывы к совершению противоправных действий могут тесным образом граничить с соучастием в преступлении.

Содержание поставленных под уголовно-правовой запрет призывов составляет, как правило, определённая деятельность, то есть линия поведения, например, экстремистская. И если адресаты призывов воспримут их и будут следовать им, то соответствующая вредоносная деятельность получит дальнейшее распространение. Нередко такая деятельность представляет собой своего рода криминальную идеологию. Данные обстоятельства послужили предпосылками для установления уголовной ответственности не только за общественно опасную деятельность, но и за публичные призывы к её осуществлению.

Таким образом, расширение криминализации деяний, выражающихся в публичных призывах к совершению противоправных действий, предопределяет три основных блока вопросов, поднимаемых перед наукой уголовного права. Во-первых, требуют уточнения отдельные аспекты понимания деяния как признака объективной стороны состава преступления, в частности связанные с основаниями уголовной ответственности за психологическое воздействие на других лиц. Во-вторых, теории и практике уголовного права предстоит разработать строгие критерии разграничения общественно опасных деяний в виде публичных призывов к совершению противоправных действий и соучастия в преступлении. В-третьих, возникает потребность в определении стройной системы признаков призывов, осуществление которых составляет криминальное поведение. При этом безусловной теоретической и практической значимостью обладают и вопросы единообразного толкования признаков конкретных составов преступлений, выражающихся в публичных призывах к совершению противоправных действий.

Указанные обстоятельства в совокупности определяют актуальность, своевременность и социальную значимость исследования вопросов уголовной ответственности за публичные призывы к совершению противоправных действий.

Степень разработанности темы исследования. В доктрине уголовного права фундаментально разработаны теоретические основы учения о соучастии в преступлении (С.С. Аветисян, А.А. Арутюнов,

Ф.Г. Бурчак, Р.Р. Галиакбаров, М.И. Ковалев, А.П. Козлов, П.Р. Тельнов, А.В. Шеслер и др.). Обстоятельно исследованы преступления экстремистского характера (И.А. Биккинин, С.В. Борисов, В.А. Бурковская, С.В. Дьяков др.). Вместе с тем, юридическая природа и уголовно-правовое значение публичных призывов к совершению противоправных действий в качестве самостоятельной научной проблемы в отечественной науке еще не анализировались, что позволяет говорить о наличии определённого пробела в теоретическом познании темы.

Цель исследования состоит в разработке теоретических положений, характеризующих уголовно-правовую природу и юридическое значение публичных призывов к совершению противоправных действий, а также в определении оптимальных средств уголовно-правового воздействия на данные общественно опасные деяния.

Для достижения обозначенной цели были поставлены и решены следующие исследовательские **задачи**:

1) определены конституционно-правовые и международно-правовые предпосылки установления уголовной ответственности за публичные призывы к совершению противоправных действий;

2) рассмотрено зарубежное уголовное законодательство об ответственности за публичные призывы к совершению противоправных действий;

3) выявлено значение публичных призывов к совершению противоправных действий как способа оказания психологического воздействия;

4) исследовано соотношение публичных призывов к совершению противоправных действий и подстрекательства к совершению преступления;

5) разработана уголовно-правовая характеристика публичных призывов к осуществлению террористической, экстремистской деятельности и к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации;

6) изучены признаки призывов к массовым беспорядкам, а равно призывов к насилию над гражданами;

7) дана уголовно-правовая характеристика публичных призывов к развязыванию агрессивной войны.

Объектом диссертационного исследования выступают правоотношения, складывающиеся в сфере уголовно-правовой оценки фактов публичных призывов к совершению противоправных действий и противодействия им.

Предмет исследования составляют уголовно-правовая характеристика публичных призывов к совершению противоправных действий; теория и практика применения норм отечественного уголовного права, предусматривающих ответственность за данные преступления.

Методологической основой диссертации выступают категории и принципы диалектики: всесторонность, объективность, связь теории и практики; использованы общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция,

описание, классификация) и частно-научные методы (системно-структурный, формально-логический, сравнительно-правовой, анализ документов, экспертный опрос).

Нормативно-теоретическая база исследования включает в себя международные нормативные правовые акты, ратифицированные Россией, Конституцию Российской Федерации, действующее уголовное, уголовно-процессуальное, административное и иное законодательство, касающееся противодействия экстремизму и (или) раскрывающее необходимые понятия. В диссертации использованы постановления и определения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, теоретические труды российских и зарубежных ученых по теории права, уголовному, уголовно-исполнительному, уголовно-процессуальному и административному праву, криминологии, криминалистике, психологии, социологии и т.д.

При формулировании своих выводов и предложений автор учитывал положения, содержащиеся в трудах таких ученых, внесших большой вклад в разработку общетеоретических проблем уголовной политики, уголовного права, как: Г.А. Аванесов, А.И. Алексеев, М.М. Бабаев, Н.И. Ветров, Л. Д. Гаухман, А.Э. Жалинский, Б.В. Здравомыслов, А.Н. Игнатов, В.С. Комиссаров, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, А.В. Петрянин, Ю.И. Ляпунов, Г.М. Миньковский, А.В. Наумов, Б.С. Никифоров, А.А. Пионтковский, Э.Ф. Побегайло, А.И. Рарог, А.Н. Трайнин и другие.

В сравнительно-правовом аспекте исследовалось уголовное законодательство Франции, ФРГ, Израиля, Латвии, Болгарии, Японии, Беларуси, Казахстана, Молдовы, Украины, Азербайджана и других стран.

Теоретическую основу исследования образуют достижения отечественной науки уголовного права, составляющие учение о преступлении и составе преступления (Я.М. Брайнин, А.В. Бриллиантов, Л.Д. Гаухман, М.П. Карпушин, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, В.И. Курляндский, Ю.Е. Пудовочкин, А.И. Рарог, А.Н. Трайнин и др.); учение о соучастии в преступлении (С.С. Аветисян, А.А. Арутюнов, А.Г. Безверхов, Ф.Г. Бурчак, Р.Р. Галиакбаров, М.И. Ковалев, А.П. Козлов, П.Р. Тельнов, А.В. Шеслер и др.); учение об информационных преступлениях (Л.А. Букалерева, А.Ю. Чупрова и др.).

Эмпирическую базу исследования составили итоги изучения материалов 80 уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 212, 280, 280.1, 282 УК РФ и др.; результаты обобщения опубликованной практики Верховного Суда РФ (более 80 документов); данные экспертного опроса 22 судей Верховного Суда Республики Калмыкия и Ставропольского краевого суда, 52 федеральных судей, 38 мировых судей, 64 следователей органов внутренних дел Российской Федерации, 30 следователей Следственного комитета Российской Федерации (всего – 206 специалистов). Автор проанализировал статистические данные за 2011-2016 годы, предоставленные ГИАЦ МВД России и Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что она является первой комплексной монографической работой, посвященной уголовной ответственности за публичные призывы к совершению противоправных действий, а также установления и реализации уголовной ответственности за совершение последних.

В диссертации подробно исследованы новые положения уголовного законодательства, внесенные Федеральными законами от 28 декабря 2013 г. № 433-ФЗ и 28 июня 2014 г. № 179-ФЗ. Автором также рассмотрены новые положения, изложенные в Федеральном законе от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ, направленные на усиление мер противодействия терроризму и экстремизму, и в Федеральном законе от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Научная новизна данных положений способствует формированию теоретико-прикладных основ для актуальной правоприменительной практики в области противодействия публичным призывам к совершению противоправных действий и повышению ее эффективности.

Автором выделены и проанализированы проблемы правовой регламентации и реализации уголовной ответственности за преступления, предусмотренные статьями 205, 205.1, 205.2, 212, 280, 280.1, 282 УК РФ и др., сформулированы правила их квалификации.

В работе раскрыты особенности осуществления публичных призывов к совершению противоправных действий, выделены и изучены обстоятельства, способствующие совершению данных уголовно наказуемых, осуществлена характеристика личности субъектов данных преступлений, а также изучена существующая система мер предупреждения последних.

На основе комплексного изучения проблем определения уголовно-правовой природы и юридически значимых признаков публичных призывов к совершению противоправных действий, систематизации норм об ответственности за публичные призывы к совершению противоправных действий, обосновании перспектив дополнительной криминализации публичных призывов к совершению противоправных действий, разработки рекомендаций по квалификации данных преступлений, сформулированы **основные положения, выносимые на защиту:**

1. *Определены конституционно-правовые и международно-правовые предпосылки криминализации публичных призывов к совершению противоправных действий.* Признавая фундаментальное значение свободы слова, Конституция РФ, как и нормы международного права, устанавливают, что в случае нарушения высказываниями человека прав и законных интересов других участников общественных отношений, такое поведение расценивается в качестве злоупотребления свободой слова и может влечь предусмотренную законом ответственность. Кроме того, юридическая база конституционно-правовых и международно-правовых норм содержит и предпосылки уголовной ответственности за конкретные преступления в этой сфере.

2. *Выявлен расширенный опыт криминализации публичных призывов к совершению противоправных действий в уголовном законодательстве зарубежных государств.* Помимо присущих отечественному уголовному законодательству предписаний об ответственности за публичные призывы, в странах ближнего зарубежья под уголовно-правовой запрет поставлены: публичные призывы к организации или проведению собрания, митинга, уличного шествия, демонстрации или пикетирования с нарушением установленного порядка их организации или проведения (ст. 369.3 УК Республики Беларусь); публичные призывы к привлечению граждан к вооружённым конфликтам с целью распространения религиозных учений, под видом исполнения религиозных обрядов, либо на почве религиозной вражды (ст. 283.1 УК Азербайджанской Республики) и другие деяния.

Одной из главных особенностей уголовного законодательства государств дальнего зарубежья в части ответственности за публичные призывы к совершению противоправных действий является наличие норм, запрещающих публичные призывы к совершению преступления (без конкретизации сути деяния) (УК ФРГ, УК Голландии, УК Республики Болгария, УК Республики Польша, УК Аргентины).

3. *Установлено, что публичные призывы, имеющие уголовно-правовое значение, подразумевают психологическое воздействие на сознание и волю адресатов.* Призыв имеет своей целью оказать влияние на сознание человека, что выражается в доведении адресату информации, которая содержит одобрение, восхваление, обоснование целесообразности и необходимости соответствующего вида противоправного поведения (экстремизма, терроризма, насилия, агрессивной войны). Психологическое воздействие для признания содеянного уголовно-наказуемым призывом должно быть одновременно сопряжено с влиянием на волю человека. При этом достаточно хотя бы минимального влияния призывов на свободу воли (склонение, уговоры и т.п.), полное отсутствие такого влияния исключает квалификацию содеянного в качестве публичных призывов к совершению противоправных действий.

4. *Сформулирован и обоснован вывод о том, что публичные призывы к совершению противоправных действий не являются специальным видом подстрекательства.* Основными критериями разграничения анализируемых призывов с подстрекательством к совершению преступления являются следующие аспекты:

1) публичные призывы, как правило, не имеют индивидуально определённых адресатов. При публичных призывах, адресованных множеству персонально определённых лиц, призывающее лицо практически не взаимодействует со своими слушателями, не ведёт диалог, а выступает перед публикой, что свидетельствует об односторонней связи, исключающей соучастие;

2) уголовная ответственность за публичные призывы не связывается с результатом в виде фактического склонения адресатов призыва к совершению соответствующих преступлений, что объединяет

рассматриваемое общественно опасное деяние только лишь с неудавшимся подстрекательством.

5. *Разработана уголовно-правовая характеристика публичных призывов к совершению преступлений экстремистского характера.* Публичные призывы к совершению преступлений экстремистского характера посягают на общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением общественной безопасности. В этой связи доказана целесообразность перемещения норм об ответственности за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, а также за публичные призывы к совершению действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ, в главу о преступлениях против общественной безопасности.

Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности должна наступать исключительно в случаях, когда содержанием призывов является преступное поведение. Признание данного вывода требует внесения соответствующих изменений в отечественное уголовное законодательство.

Уголовно-правовые нормы, предусмотренные ст. 205.2, 280 и 280.1 УК РФ, могут находиться в отношениях конкуренции общей и специальной нормы, где общей нормой выступает ст. 280 УК РФ, а ст. 205.2 и 280.1 УК РФ – специальными. Уголовно-правовые нормы, регламентированные ст. 280 и 282 УК РФ, могут соотноситься как часть и целое, где ст. 280 УК РФ – это норма-целое, поскольку охватывает своим содержанием и возбуждение ненависти или вражды, и побуждение к соответствующим противоправным действиям. А ст. 282 УК РФ в таком контексте – это норма-часть, поскольку устанавливает ответственность только за одно из обозначенных действий.

6. *Аргументированы разъяснения по квалификации призывов к массовым беспорядкам и предложения по совершенствованию норм об ответственности за совершение таких деяний.* Норма об ответственности за призывы к массовым беспорядкам (ч. 3 ст. 212 УК РФ) находится в отношениях конкуренции с нормой об ответственности за организацию массовых беспорядков (ч. 1 ст. 212 УК РФ). По правилам квалификации при конкуренции части и целого применению подлежит ч. 1 ст. 212 УК РФ как норма-целое. Совокупность преступлений в таком случае отсутствует.

В случае осуществления призывов к участию в массовых беспорядках лицом, являвшимся их участником, в отношении лиц, не принимающих участие в массовых беспорядках, содеянное при наличии иных необходимых признаков подлежит квалификации по совокупности ч. 2 и ч. 3 ст. 212 УК РФ.

Сформулированный в ч. 3 ст. 212 УК РФ запрет на призывы к насилию над гражданами нуждается в корректировке в целях исключения возможного его толкования в качестве деяния, никак не связанного с массовыми беспорядками. Решение такой задачи может быть реализовано посредством прямого указания в ч. 3 ст. 212 УК РФ на связь призывов к насилию над гражданами с массовыми беспорядками. Уголовно-правовые нормы,

сформулированные в ч. 3 ст. 212 УК РФ, нуждаются в дополнении их признаком публичности.

7. Определены перспективные пути совершенствования уголовно-правового противодействия публичным призывам к развязыванию агрессивной войны. Если в деянии лица одновременно усматриваются признаки планирования или подготовки агрессивной войны и публичных призывов к развязыванию агрессивной войны, то содеянное подлежит квалификации по совокупности ч. 1 ст. 353 УК РФ и соответствующей части ст. 354 УК РФ.

Обоснована необходимость:

- дополнения ч. 2 ст. 354 УК РФ указанием на использование не только средств массовой информации, но и информационно-телекоммуникационных сетей;

- замены квалифицирующих признаков совершения данного преступления лицом, занимающим государственную должность РФ или государственную должность субъекта РФ, признаками совершения этого преступления лицом, использующим своё служебное положение, а равно общественным деятелем.

Аргументирована целесообразность установления уголовно-правового запрета на публичные призывы к участию в вооружённых конфликтах на территории иностранного государства и сформулированы предлагаемые новые нормы УК РФ об ответственности в этой части.

Теоретическая значимость исследования, на взгляд соискателя, способствует более глубоким и всесторонним изучению и разработке проблем уголовной ответственности за публичные призывы к совершению противоправных действий, теоретическому обоснованию решения вопросов квалификации данных деяний.

Теоретическая значимость исследования состоит также в разработке ряда положений, касающихся сущности и понятия таких преступлений, уточнения объективных и субъективных признаков их составов, прежде всего, мотивов и целей преступного поведения, характеристики особенностей публичных призывов к совершению противоправных действий, и т.д.

Определённым вкладом в теорию уголовного права представляется возможным признать формулирование критериев разграничения публичных призывов к совершению противоправных действий и подстрекательств.

К теоретической значимости диссертации относится также возможность использования содержащихся в ней положений при проведении дальнейших исследований проблем противодействия публичным призывам к совершению противоправных действий, с позиций криминалистики, уголовного процесса, а также при рассмотрении тактических и психологических аспектов данной проблемы.

Результаты исследования будут способствовать развитию уголовно-правовых знаний о преступлениях, связанных с публичными призывами к совершению противоправных действий (посредством нового толкования признаков ряда составов преступлений).

Практическая значимость исследования. Работа содержит эмпирически подтвержденную научную информацию, которая может быть востребована в практике совершенствования законодательной основы уголовно-правового противодействия публичным призывам к совершению противоправных действий. Сформулированные выводы имеют значение для аргументации правил квалификации публичных призывов к совершению противоправных действий.

Выводы, содержащиеся в диссертационном исследовании, могут быть использованы:

- в правотворческой деятельности по совершенствованию законодательства в области противодействия публичным призывам к совершению противоправных действий;
- в практической деятельности правоохранительных органов, осуществляющих предупреждение, раскрытие и расследование этих преступлений;
- при разработке методических рекомендаций по вопросам квалификации публичных призывов к совершению противоправных действий, отграничения этих деяний от подстрекательств, а также по иным вопросам уголовно-правовой борьбы с данными видами преступлений;
- при подготовке учебников, лекций, учебных пособий и методических материалов для образовательных учреждений МВД, прокуратуры и других юридических образовательных учреждений;
- в учебном процессе при преподавании курсов «Уголовное право», а также в системе повышения квалификации работников правоохранительных органов и судей.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации используются в работе Управления по обеспечению деятельности мировых судей Ставропольского края, в практической деятельности прокуратуры Республики Калмыкия. Результаты исследования, содержащие эмпирически подтвержденную научную информацию, используются в практической деятельности комитета по правовым вопросам и развитию гражданского общества Палаты молодых законодателей при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Положения диссертации внедрены в учебный процесс Российский университета дружбы народов. Выводы и результаты исследования нашли отражение в шести научных публикациях, в том числе в четырех статьях, размещенных в изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки РФ.

Структура диссертационного исследования и ее содержание соответствуют требованиям, установленным ВАК Минобрнауки России, определяется объектом и предметом исследования, его целями и задачами, включает в себя введение, две главы (семь параграфов), заключение, библиографический список и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования; определяются его цель, задачи, объект и предмет; характеризуются методологическая, нормативная, теоретическая и эмпирическая основы диссертации; формулируются основные положения, выносимые на защиту, определяется их научная новизна, теоретическая и практическая ценность.

Первая глава **«Социально-правовая обусловленность уголовной ответственности за публичные призывы к совершению противоправных действий»** состоит из четырёх параграфов.

В первом параграфе *«Конституционно-правовые и международно-правовые предпосылки установления уголовной ответственности за публичные призывы к совершению противоправных действий»* излагаются результаты исследования норм Основного закона РФ и международных нормативных правовых актов.

Признавая фундаментальное значение свободы слова, Конституция РФ, как и нормы международного права, устанавливает, что в случае нарушения высказываниями человека прав и законных интересов других участников общественных отношений в лице отдельных личностей, организаций, общества или государства, такое поведение расценивается в качестве злоупотребления свободой слова и может влечь предусмотренную законом ответственность. Помимо допустимости уголовно-правовых запретов на публичные призывы к совершению противоправных действий, юридическая база конституционно-правовых и международно-правовых норм содержит и предпосылки уголовной ответственности за конкретные преступления. В частности, в ч. 2 ст. 29 Конституции РФ включено положение о недопустимости пропаганды или агитации, возбуждающей социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. В нормативных актах международного права предписывается целесообразность запрещения публичных подстрекательств и пропаганды терроризма, дискриминации, агрессии и насилия.

Второй параграф *«Зарубежное уголовное законодательство об ответственности за публичные призывы к совершению противоправных действий»* содержит результаты сравнительно-правового исследования в разрезе темы исследования. В диссертации установлено, что в ряде государств ближнего зарубежья основные нормы об ответственности за публичные призывы к совершению противоправных действий характеризуются максимальной схожестью с аналогичными предписаниями отечественного уголовного законодательства (УК Азербайджанской Республики, УК Кыргызской Республики, УК Республики Молдова, УК Туркменистана и др.). Вместе с тем, во многих странах ближнего зарубежья в современном уголовном законодательстве оформлен расширенный подход к установлению ответственности за публичные призывы к совершению противоправных действий. Так, в соответствии со ст. 369.3 УК Республики

Беларусь, уголовную ответственность влекут «публичные призывы к организации или проведению собрания, митинга, уличного шествия, демонстрации или пикетирования с нарушением установленного порядка их организации или проведения ..., если их проведение повлекло по неосторожности гибель людей, причинение тяжкого телесного повреждения одному или нескольким лицам или причинение ущерба в крупном размере при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных статьями 293 и 342 настоящего Кодекса» (ст. 293 – «Массовые беспорядки»; ст. 342 – «Организация и подготовка действий, грубо нарушающих общественный порядок, либо активное участие в них»). Имеются основания полагать, что подобного рода нормы в определённой степени отвечают современным тенденциям. В последние годы существенно возросла роль и значение различных публичных массовых мероприятий, широкое распространение получают факты злоупотребления правом на свободу собраний, зачастую используемое деструктивными силами.

В уголовном законодательстве Азербайджанской Республики наказуемыми признаются публичные призывы к привлечению граждан Азербайджанской Республики или лиц без гражданства, постоянно проживающих в Азербайджанской Республике, к вооружённым конфликтам вне пределов Азербайджанской Республики с целью распространения религиозных учений, под видом исполнения религиозных обрядов, либо на почве религиозной вражды, к проведению военных учений с этой целью, либо к созданию действующей с этой целью устойчивой группы или к руководству такой группой (ст. 283.1). В современных условиях граждане нередко привлекаются к участию в вооружённых конфликтах на территориях иностранных государств и мотивируются они не корыстными соображениями, а, например, религиозными или националистическими. Поэтому подобные уголовно-правовые предписания представляются весьма актуальными и своевременными.

Уникальная в сравнении с УК РФ норма регламентирована ст. 183 УК Республики Казахстан «Дача разрешения на публикацию в средствах массовой информации экстремистских материалов», которой поставлена под запрет, в том числе «дача разрешения на публикацию в печати и других средствах массовой информации сведений и материалов, ... содержащих призывы к насильственному захвату власти, насильственному удержанию власти, подрыву безопасности государства или насильственному изменению конституционного строя, а равно нарушению территориальной целостности Республики Казахстан». Таким образом, казахстанский законодатель снял определённые проблемы квалификации публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности (в понимании таковых в УК РФ).

В уголовных кодексах ряда государств дальнего зарубежья, например, в УК Республики Корея, УК Японии отсутствуют самостоятельные нормы, непосредственно посвящённые уголовной ответственности за публичные призывы к совершению противоправных действий. В то же время, в

значительной части уголовных законодательств государств дальнего зарубежья под запрет поставлены призывы к отдельным проявлениям экстремизма (УК Республики Болгария, УК Республики Польша, Закон об уголовном праве Израиля). В числе норм об ответственности за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (в понимании таковой по российскому уголовному праву) наибольшее распространение получили предписания о наказуемости публичных призывов к посягательствам на конституционный строй, свержению власти и т.п. Причём наказуемым зачастую признаётся, в том числе хранение материалов, содержащих такие призывы.

В группе уголовных кодексов государств дальнего зарубежья прямые уголовно-правовые запреты на публичные призывы к осуществлению террористической деятельности являются относительной редкостью. Не характерными для большинства являются и предписания об уголовной ответственности за публичные призывы к массовым беспорядкам. Исключение составляет, например, УК Франции.

Одной из главных особенностей уголовного законодательства государств дальнего зарубежья в части ответственности за публичные призывы к совершению противоправных действий является наличие норм, запрещающих публичные призывы к совершению преступления (без конкретизации сути преступления) (УК ФРГ, УК Голландии, УК Республики Болгария, УК Республики Польша, УК Аргентины). Уникальными предписаниями следует признать нормы об ответственности за публичные призывы к уклонению от уплаты обязательных платежей (Закон об уголовном праве Израиля), к совершению воинских преступлений (УК Швейцарии).

Третий параграф *«Публичные призывы к совершению противоправных действий как способ оказания психологического воздействия»* посвящён рассмотрению основных социально-юридических признаков данных преступлений.

В ходе исследования установлено, что публичные призывы, имеющие уголовно-правовое значение, подразумевают психологическое воздействие на сознание и волю адресатов.

Призыв имеет своей целью оказать влияние на сознание человека, что выражается в доведении адресату информации, которая содержит одобрение, восхваление, обоснование целесообразности и необходимости соответствующего вида противоправного поведения (экстремизма, терроризма, насилия, агрессивной войны). Очевидно, что данный компонент психологического воздействия при осуществлении призыва вполне может быть реализован посредством распространения мнений, идей и взглядов. Однако выражение и распространение каких-либо мнений, идей, взглядов само по себе не может расцениваться в качестве уголовно-наказуемых призывов. Аналогичного мнения придерживаются 64% респондентов, опрошенных в ходе проведённого соискателем исследования.

Психологическое воздействие для признания содеянного уголовно-наказуемым призывом должно быть одновременно сопряжено с влиянием на волю человека. При этом достаточно хотя бы минимального влияния призывов на свободу воли (склонение, уговоры и т.п.), полное отсутствие такого влияния исключает квалификацию содеянного в качестве публичных призывов к совершению противоправных действий. Максимальная интенсивность психологического воздействия на свободу воли человека при призывах к совершению противоправных действий может достигать до уровня принуждения. Однако применяемое в таком случае насилие может образовывать самостоятельный состав преступления.

Четвёртый параграф *«Публичные призывы к совершению противоправных действий и подстрекательство к совершению преступления»* содержит результаты разработки критериев разграничения данных преступлений с соучастием.

Сформулирован и обоснован вывод о том, что публичные призывы к совершению противоправных действий не являются специальным видом подстрекательства. Данное мнение разделяют 70% практикующих юристов, опрошенных в ходе проведённого исследования. Основными критериями разграничения анализируемых призывов с институтом соучастия в преступлении являются следующие аспекты:

1) публичные призывы либо не имеют индивидуально определённых адресатов, либо в ситуациях выражения призывов в адрес конкретно определённого множества лиц отсутствует личное отношение между соучастниками, отсутствует совместность преступной деятельности;

2) при публичных призывах, адресованных множеству персонально определённых лиц, призывающее лицо практически не взаимодействует со своими слушателями, не ведёт диалог, а выступает перед публикой, что свидетельствует об односторонней связи, исключающей соучастие;

3) уголовная ответственность за публичные призывы не связывается с результатом в виде фактического склонения адресатов призыва к совершению соответствующих преступлений, что роднит рассматриваемое общественно опасное деяние с неудавшимся подстрекательством.

Публичность выступает сугубо оценочным признаком составов преступлений, выражающихся в публичных призывах к совершению противоправных действий. Публичность подразумевает массовость адресата призывов, но должна констатироваться с учётом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела.

Вторая глава **«Уголовно-правовая характеристика видов публичных призывов к совершению противоправных действий»** включает в себя три параграфа.

В первом параграфе *«Публичные призывы к осуществлению террористической, экстремистской деятельности и к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации»* установлено, что публичные призывы к совершению преступлений экстремистского характера посягают на общественные

отношения, складывающиеся в связи с обеспечением общественной безопасности. В этих условиях актуализируется целесообразность перемещения норм об ответственности за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, а также за публичные призывы к совершению действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ, в главу о преступлениях против общественной безопасности. Кроме того, применение системного подхода обуславливает необходимость распространить данное предложение и на другие нормы о преступлениях экстремистской направленности, ныне закреплённые в главе 29 «Преступлениях против основ конституционного строя и безопасности государства» (ст. 282-283.2 УК РФ).

Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности должна наступать исключительно в случаях, когда содержанием призывов является преступное поведение. Данное мнение разделяют 70% практикующих юристов, опрошенных в ходе проведённого исследования. Признание данного вывода потребует внесения соответствующих изменений в отечественное уголовное законодательство. Применительно к составу преступления, предусмотренному ст. 280 УК РФ, оптимальным путём является замена в тексте диспозиции ч. 1 данной статьи признаков осуществления экстремистской деятельности указанием на преступления экстремистской направленности. В итоге диспозиция ч. 1 ст. 280 УК РФ должна быть представлена следующим образом: «Публичные призывы к совершению преступлений экстремистской направленности». Оптимальным вариантом трансформации нормы об ответственности за публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ, является, во-первых, переименование ст. 280.1 УК РФ на «Публичные призывы к сепаратизму». Во-вторых, в тексте диспозиции нормы надлежит привести такую формулировку: «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на насильственное изменение территориальной целостности Российской Федерации».

Выявлена непоследовательность законодателя, выраженная в несоблюдении принципов системности при конструировании норм об ответственности за квалифицированные виды публичных призывов к деятельности экстремистского характера. Так, в ч. 2 ст. 205.2 УК РФ в качестве отягчающего ответственность обстоятельства закреплено использование средств массовой информации, в ч. 2 ст. 280 УК РФ – использование средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», а в ч. 2 ст. 280.1 УК РФ – использование средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»). Как видно, во-первых, в ч. 2 ст. 205.2 УК РФ отсутствует указание на информационно-телекоммуникационные сети (Интернет). Во-вторых, в ч. 2 ст. 280.1 УК РФ имеется ссылка на использование электронных сетей при отсутствии соответствующего предписания в двух других нормах.

Доказана целесообразность установления в чч. 2 ст. 205.2, 280 и 280.1 УК РФ в качестве квалифицирующих признаков факт использования средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей.

Обоснована необходимость закрепления в нормах об ответственности за публичные призывы к совершению преступлений экстремистского характера квалифицирующего признака в виде факта совершения данных преступлений лицом, использующим своё служебное положение, а равно общественным деятелем.

Уголовно-правовые нормы, предусмотренные ст. 205.2, 280 и 280.1 УК РФ, могут находиться в отношениях конкуренции общей и специальной нормы, где общей нормой выступает ст. 280 УК РФ, а ст. 205.2 и 280.1 УК РФ – специальными. Уголовно-правовые нормы, регламентированные ст. 280 и 282 УК РФ, могут соотноситься как часть и целое, где ст. 280 УК РФ – это норма-целое, поскольку охватывает своим содержанием и возбуждение ненависти или вражды, и побуждение к соответствующим противоправным действиям. А ст. 282 УК РФ в таком контексте – это норма-часть, поскольку устанавливает ответственность только за одно из обозначенных действий. Таким образом, если содеянное одновременно подпадает под признаки преступлений, предусмотренных ст. 280 и 282 УК РФ, применению подлежит ст. 280 УК РФ как норма-целое.

Во втором параграфе *«Призывы к массовым беспорядкам, а равно призывы к насилию над гражданами»* дается юридическая характеристика уголовно-правовых норм, предусмотренных ч. 3 ст. 212 УК РФ.

В диссертации обоснован вывод о том, что норма об ответственности за призывы к массовым беспорядкам (ч. 3 ст. 212 УК РФ) находится в отношениях конкуренции с нормой об ответственности за организацию массовых беспорядков (ч. 1 ст. 212 УК РФ). По правилам квалификации при конкуренции части и целого применению подлежит ч. 1 ст. 212 УК РФ как норма-целое. Совокупность преступлений в таком случае отсутствует.

В случае осуществления призывов к участию в массовых беспорядках лицом, являвшимся их участником, в отношении лиц, не принимающих участие в массовых беспорядках, содеянное при наличии иных необходимых признаков подлежит квалификации по совокупности ч. 2 и ч. 3 ст. 212 УК РФ.

Сформулированный в ч. 3 ст. 212 УК РФ запрет на призывы к насилию над гражданами нуждается в корректировке в целях исключения возможного его толкования в качестве деяния, никак не связанного с массовыми беспорядками. Решение такой задачи может быть реализовано посредством прямого указания в ч. 3 ст. 212 УК РФ на связь призывов к насилию над гражданами с массовыми беспорядками. Кроме того, уголовно-правовые нормы, сформулированные в ч. 3 ст. 212 УК РФ, нуждаются в дополнении их признаком публичности.

Обоснована необходимость изложения диспозиции ч. 3 ст. 212 УК РФ в следующей редакции: *«Публичные призывы к массовым беспорядкам или к*

участию в них, а равно публичные призывы к насилию над гражданами в связи с массовыми беспорядками».

Третий параграф «*Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны*» содержит результаты анализа признаков состава преступления, предусмотренного ст. 354 УК РФ.

Непосредственным объектом состава преступления, предусмотренного ст. 354 УК РФ, являются общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением международной безопасности, реализацией принципа мирного сосуществования государств и народов.

Если в деянии лица одновременно усматриваются признаки планирования или подготовки агрессивной войны и публичных призывов к развязыванию агрессивной войны, то содеянное подлежит квалификации по совокупности ч. 1 ст. 353 УК РФ и соответствующей части ст. 354 УК РФ.

Обоснована необходимость: дополнения ч. 2 ст. 354 УК РФ указанием на использование не только средств массовой информации, но и информационно-телекоммуникационных сетей; замены квалифицирующих признаков совершения данного преступления лицом, занимающим государственную должность РФ или государственную должность субъекта РФ, признаками совершения этого преступления лицом, использующим своё служебное положение, а равно общественным деятелем.

Аргументирована целесообразность установления уголовно-правового запрета на незаконное участие в вооружённых конфликтах на территории иностранного государства и сформулированы предлагаемые новые нормы УК РФ об ответственности в этой части. В диссертации сделан вывод о необходимости закрепления обозначенных нормы в ст. 359.1 УК РФ и изложения их следующим образом:

«Статья 359.1. Незаконное участие в вооружённых конфликтах на территории иностранного государства.

1. Публичные призывы к участию граждан Российской Федерации или лиц без гражданства, постоянно проживающих на территории Российской Федерации, в вооружённых конфликтах или военных действиях вне пределов Российской Федерации по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы – наказываются ...

2. Участие гражданина Российской Федерации или лица без гражданства, постоянно проживающего на территории Российской Федерации, в вооружённом конфликте или в военных действиях вне пределов Российской Федерации по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы –

наказывается ...».

В **заключении** подведены итоги исследования, сформулированы основные выводы и предложения.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОПУБЛИКОВАНЫ

I. В рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации:

1. Балашов А.А. К вопросу об уголовной ответственности за публичные призывы к совершению противоправных действий // Ученые труды Российской Академии адвокатуры и нотариата. – 2016. – № 3 (42). – С. 126 – 130.

2. Балашов А.А. Особенности квалификации публичных призывов к осуществлению террористической, экстремистской деятельности и к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации // Российское правосудие. – 2016. – № 5. – С. 88 – 94 (0,4 п.л.).

3. Балашов А.А. Публичные призывы к совершению противоправных действий и подстрекательство к совершению преступления // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2016. – № 1. – С. 12 – 17 (0,4 п.л.)

4. Балашов А.А. Публичные призывы к совершению противоправных действий как способ оказания психологического воздействия // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2015. – № 4. – С. 97 – 101 (0,5 п.л.).

5. Балашов А.А. Уголовная ответственность за призывы к массовым беспорядкам, а равно призывы к насилию над гражданами // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 1. – С. 14 – 19 (0,5 п.л.).

II. В иных научных изданиях:

6. Балашов А.А. Конституционно-правовые и международно-правовые предпосылки установления уголовной ответственности за публичные призывы к совершению противоправных действий // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: сб. мат. III Всерос. науч.-практ. конф., РГУП, 26 нояб. 2015 г. / под ред. А.В. Бриллиантова, Ю.Е. Пудовочкина. – М.: РГУП, 2016. – С. 385 – 394 (0,5 п.л.).

7. Балашов А.А. Уголовная ответственность за публичные призывы к совершению противоправных действий: актуальность проблемы // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: сб. мат. II Всерос. науч.-практ. конф., РГУП, 22 окт. 2014 г. / под ред. А.В. Бриллиантова, Ю.Е. Пудовочкина. – М.: РГУП, 2015. – С. 519 – 522 (0,3 п.л.).